

Заметки об отношениях между Выготским и Леонтьевым: А была ли тройка?¹

Жоао Батиста Мартинс

Мартинс Ж. Заметки об отношениях между Выготским и Леонтьевым: А была ли тройка? // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2013, № 1, с. 95-108. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2013/1/2013n1a4/2013n1a4.3.pdf>

Данная работа посвящена обсуждению отношений между Л. Выготским и А.Н. Леонтьевым. Автор не рассматривает значения вклада этих двух авторов в психологию, но фокусируется на некоторых исторических эпизодах и обстоятельствах, которые позволяют нам лучше понять теоретический разрыв, который произошел между ними. Основываясь на последних, «ревизионистских» работах по истории психологии, автор рассматривает три аспекта этого разрыва, таких как: (1) фактическая научная продукция, которая отражает крайне незначительное сотрудничество между двумя этими исследователями; (2) идеологическое самопозиционирование, связанное с политическими процессами советского сталинизма, в частности, в связи с преследованием интеллектуалов в Советском Союзе; и наконец, (3) как показывают недавние работы, проведенные в рамках так называемой «архивной революции в выготсковедении», теоретический разрыв как таковой, задокументированный самим Выготским в его архивных документах. Разъяснение этих положений представляется необходимым ввиду того, что в работах целого ряда авторов до сих пор продолжают встречаться утверждения о теоретической и идеологической преемственности в работах этих двух авторов.

Ключевые слова: *Выготский, Леонтьев, история культурно-исторической психологии*

О тройке: «Партнерство» в психологических исследованиях

В ходе наших исследований теории Выготского мы с определенной периодичностью встречаемся с упоминанием того обстоятельства, что Выготский разделял свою цель — создать «новую психологию» — с двумя другими психологами, Алексеем Николаевичем и Александром Романовичем Лурия. Именно эта группа под руководством Выготского получила в литературе название «тройка» (cf. Luria, 1979).

Известно, что в период после революции 1917 г. поставил советских психологов (и в частности исследователей из московского Института психологии) перед множеством проблем, таких как высокий уровень неграмотности в стране, необходимость создания механизмов поддержки детям с психологическими и физическими сложностями, и т.п. Эта ситуация требовала решения вопросов, связанных с положением дел в психологии.

Так, в дополнение к работе над прикладными социальными проблемами послереволюционного времени, в качестве сотрудника Института психологии Выготский также руководил работой по перестройке психологической теории на основе ряда марксистских положений (cf. Wertsch, 1988: 28). В свете этого Лурия прокомментировал в своих воспоминаниях (1979: 43): «Л.С. Выготский был для нас ведущим теоретиком

¹ Сокращенная версия полноразмерной статьи на португальском языке (этот номер журнала).

марксизма... ». И далее: «в руках Выготского ... Марксовы методы анализа действительно играли фундаментальную роль в формировании нашего направления [развития теории]»².

В последующие годы после его переезда в Москву Выготский и его группа (как сейчас говорят, «круг Выготского», см. Yasnitsky, 2009, 2011) предприняли анализ психологии с точки зрения запроса на создание новой теории. Они понимали, что ни субъективная психология в ее версии от Челпанова, ни упрощенческие редуccionистские попытки свести всю сложность сознательной деятельности человека всего лишь к рефлекторным схемам не могут предоставить удовлетворительной модели для психологии человека.

Эти два побуждения — пойти навстречу социальным запросам беспокойного послереволюционного времени и создать марксистский подход в психологии — в целом описывают положение дел в психологии того времени. Лурия описывает эту ситуацию следующим образом:

Приехав в Москву, я увидел город, в котором, как и в Казани, с энтузиазмом занимались реконструкцией. В отличие от казанских, московские психологи имели четко поставленные цели и специализированное лабораторное оборудование. Я присоединился к маленькой группе научных работников, занимавшихся перестройкой русской психологии в соответствии с задачами революции (цит. по Лурия, 1982, с. 15)³.

С переездом в Москву Выготского в 1924 г. новые перспективы открылись для

² *Примечание редактора:* В русской версии воспоминаний Лурии этой фразы нет. Эта цитата из воспоминаний Лурии дается по английскому тексту перевода М. и Ш. Коул, опубликованному в 1979 году в издательстве Гарвардского университета, принципиально расходящемуся в этом месте с текстом русского издания 1982 года издательства МГУ. Так, полная цитата этого сегмента текста из русской версии выглядит следующим образом:

«Л.С. Выготский был для нас ведущим теоретиком марксизма. В 1925 г., когда он опубликовал лекцию, которая привела его в Москву, он включил в нее цитату из работы Маркса, представлявшую собой одно из ключевых положений в разрабатываемой им концепции:

«Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю» («Капитал», т. 1, с. 189).

Это положение Маркса сыграло существенную роль в формировании экспериментальной психологии высших психических функций» (Лурия, 1982, с. 30; выделение добавлено при цитировании текста).

По контрасту с русским тестом, английский текст утверждает нечто совершенно противоположное: **«Настолько общего положения конечно не было достаточно для того, чтобы обеспечить подробный набор процедур для создания экспериментальной психологии высших психологических функций. Но в руках Выготского Марксовы методы анализа действительно играли фундаментальную роль в формировании нашего направления [развития теории]»** (This kind of general statement was not enough, of course, to provide a detailed set of procedures for creating an experimental psychology of higher psychological functions. But in Vygotsky's hands, Marx's methods of analysis did serve a vital role in shaping our course).

³ *Примечание редактора:* принципиальных расхождений с английским текстом не обнаружено. Ср.: I arrived in Moscow to find a city that, like Kazan, was enthusiastically engaged in the work of reconstruction. Unlike my working conditions in Kazan, however, Moscow's psychologists had well-defined goals and specialized research facilities. I joined a small group of scholars who were charged with reconstructing Russian psychology in order to bring it into accord with the goals of the Revolution (Luria, 1979:28).

местных исследователей из Института психологии:

Когда Л.С. Выготский приехал в Москву, я продолжал исследования при помощи сопряженной моторной методики совместно с А.Н. Леонтьевым, в прошлом учеником Челпанова, с которым я сотрудничал всю дальнейшую жизнь. Мы с А.Н. Леонтьевым высоко ценили необычайные способности Л.С. Выготского и были очень рады, когда его включили в нашу рабочую группу, которую мы назвали «тройка». Вместе с Л.С. Выготским в качестве нашего признанного лидера мы предприняли критический обзор истории и современного состояния психологии. Наша грандиозная идея заключалась в создании нового научного подхода к человеческим психологическим процессам⁴.

В этом утверждении Лурии мы встречаемся с выражением «тройка», но что же, в конце концов, он имел в виду?

Для того, чтобы найти ответ на этот вопрос, мы провели библиографическое исследование и в ходе поиска была обнаружена книга Льва Троцкого⁵, названная во французском переводе “*Les questions du mode de vie*” (1923), в которой ее автор анализирует послереволюционную ситуацию в Советском Союзе и признает трудности, которые испытывают советские люди в выработке элементарных культурных навыков. Говоря о громадной нехватке учебных материалов, книг, и т.п., Троцкий указывает на необходимость создания новых книг для пролетариата. В своем комментарии по поводу трудностей написания новых учебных пособий, Троцкий замечает:

Для написания учебника или, по крайней мере, для редактирования его **нужно составить коллегия**, скажем, **тройку**: из технически образованного специалиста-писателя, знающего, по возможности, состояние соответственной отрасли нашего производства или способного ознакомиться с ней; из высококвалифицированного рабочего той же отрасли с производственными интересами и, по возможности, с изобретательской складкой, **и из писателя-марксиста**, политика, с некоторыми производственно-техническими интересами и знаниями⁶ (*Примечание редактора*: выделение добавлено при цитировании).

⁴ *Примечание редактора*: Расхождения с английским текстом совсем незначительно, но, вероятно, примечательны. Ср.: When Vygotsky arrived in Moscow, I was still conducting studies by the combined motor method with Leontiev, a former student of Chelpanov with whom I have been associated ever since. Recognizing Vygotsky's uncommon abilities, Leontiev and I were delighted when it became possible to include Vygotsky in our working group, which we called the “troika.” With Vygotsky as our acknowledged leader, we undertook a critical review of the history and current status of psychology in Russia and the rest of the world. Our aim, over-ambitious in the manner characteristic of the times, was to create a new, comprehensive approach to human psychological processes. (Luria, 1979:40).

⁵ *Примечание редактора*: О влиянии большевистского вождя Л.Д. Троцкого на Выготского (и, по-видимому, его окружение) см. недавнюю отличную работу Е. Завершневой, которая отмечает множественные примеры цитирования из Троцкого в работах Выготского, по большей части не прошедшие редакторскую цензуру при подготовке советских изданий его работ, например, шеститомника, вышедшего под редакцией М.Г. Ярошевского и др. К сведению читателя, в недавнем издании «Психологии искусства», вышедшем в издательстве «Лабиринт» авторские цитаты и ссылки на Троцкого были восстановлены в оригинальном виде. — А.Ясницкий.

⁶ *Примечание редактора*: Статья Троцкого под названием «Не о политике единой жив человек» (см. в Интернете: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotl911.htm>) из тома «Проблемы культуры. Культура переходного периода» (см. <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotl910.htm>).

Термин «тройка», использованный Троцким, относится к партийной политике в области культурной реконструкции, предполагавшей привлечение авторов, технических специалистов, ученых, и т.п. к делу революционного переустройства общества.

Однако Лурия писал свои воспоминания в другом контексте. Он назвал группу «тройкой» в автобиографической книге, написанной с заметным намерением политической апологии. Иными словами, сам факт использования слова «тройка» не дает нам оснований для вывода о близких взаимоотношениях между Выготским и его группой с руководством большевистской партии.

В своей докторской диссертации, озаглавленной «Круг Выготского в десятилетии 1931-1941: На пути к интегративной науке о сознании, мозге и образовании» (*Vygotsky Circle during the decade of 1931-1941: Toward an integrative science of mind, brain, and education*), ее автор Антон Ясницкий показывает другую интерпретацию отношений, установившихся внутри группы психологов, которые работали в Институте психологии в Москве. Его исследование послужило отправной точкой современной историографии пост-выготскианской психологии, которая зачастую излагается в понятиях «школы Лурии, Выготского и Леонтьева», или «тройки», которая, наряду с «пятеркой» студентов Выготского (Запорожец, Божович, Левина, Морозова и Славина), составила основной набор имен исследователей, связанных с созданием культурно-исторической теории Выготского (Yasnitsky, 2009: 5).

Ясницкий (2009: 11) подчеркивает, что

Сама идея «школы Выготского-Леонтьева-Лурии» возникла не ранее конца 1970-х, и целый ряд исследователей подвергали сомнению ее правомочность, критиковали легитимность утверждений о преемственности оригинальной исследовательской программы Выготского в психологических исследованиях, выполненных в рамках деятельностного подхода.

Прихожан и Толстых в своем обзоре работ Лидии Божович выражают сходную позицию по вопросу преемственности работы Выготского. Согласно этим авторам, Божович выявила разрыв в развитии идей Выготского в исследованиях советских психологов. Эти авторы поясняют:

Принципиальное отличие своей позиции она [т.е. Божович] видела в следовании самой логике мысли Л.С. Выготского, без выхода за рамки созданной им концепции, в то время как другие (А.Н.Леонтьев, П.Я.Гальперин, В.В. Давыдов, А.Р. Лурия), по ее мнению, развивали какую-либо одну из сторон: идею о ведущей роли деятельности, значение процесса интериоризации для психического развития ребенка, мысль о том, что обучение должно вести за собой развитие, и т.п., ломая общую архитектуру этой концепции (Прихожан и Толстых, 1996, с. 65)⁷.

Антон Ясницкий (2009) предлагает новую «версию» истории тройки. Этот автор утверждает, что нет никаких конкретных свидетельств ее реального существования на протяжении последнего десятилетия жизни Выготского (1924-1934), и предлагает более уместным говорить не о «тройке», а, скорее, о «двойке» Выготского и Лурии в свете множественных личных и профессиональных связей периода 1925-1930 г. Этот вывод подкрепляется анализом публикационной деятельности и объема научных работ,

⁷ Прихожан, А. М. & Толстых, Н. Н. (1996). «Интересная психология»: Л. С. Выготский и Л. И. Божович // Вопросы психологии. 1996, № 5. С. 63 – 72. См. также анализ Кошмановой, который указывает на множественные истории о жизни и работе Выготского.

разработанных в соавторстве Выготским и Лурией и, с другой стороны, Выготским и Леонтьевым, а именно:

- два введения к переводным публикациям книг по психологии (Выготский и Лурия, 1925а, 1925б);
- в 1927 г. существовала команда по подготовке учебных материалов и книг по психологии (Артемов, Бернштейн, Выготский, Добрынин, Лурия, 1927; Артемов, Выготский, Добрынин, Лурия, 1927);
- соавторство доклада по эгоцентрической речи, заявленного на IX Международный психологический конгресс в Йельском университете (Vygotsky, Luria, 1929/1930);
- соавторство в работе над книжной главой под названием *Tool and symbol in child development*, которая должна была выйти в составе книги *Handbook of Child Psychology* под редакцией Мерчисона (Murchison) в 1930 (Vygotsky, Luria, 1930/1994);
- совместная книга «Этюды по истории поведения. Обезьяна, примитив, ребенок», написанная в конце 1920х и опубликованная в 1930 г. (Выготский и Лурия, 1930).

Что же касается соавторства Выготского и Леонтьева, этот автор отмечает:

По контрасту, единственной работой, вышедшей под именами Выготского и Леонтьева стало введение к книге по психологии памяти (Леонтьев, 1931), написанной Леонтьевым под руководством Выготского (см. Yasnitsky, 2009: 54)⁸.

Ясницкий также утверждает, что многие современники, включая критиков теории культурного развития высших психологических функций, не идентифицировали Леонтьева, а только лишь тандем Выготского и Лурии в качестве основоположников этой теории (Yasnitsky, 2009: 54-55).

О разрыве между Выготским и Леонтьевым: Результат идеологии и обстоятельств?

Вплоть до самого недавнего времени среди комментаторов Выготского разворачиваются интенсивные дискуссии по вопросу его отношения к марксизму. Ривиери (1985) утверждает, что отношение Выготского к марксизму было в значительной мере определено не идеологическими, а методологическими вопросами. В этом отношении Козулин (2001) подчеркивает, что

Выготский серьезно относился к Марксу, не как к кумиру, а как к мыслителю в русле европейской культурной традиции. Для Выготского Маркс был одним из голосов представителей европейской мысли, наряду с Дильтеем, Дюркгеймом, нео-кантианцами и др. Отношение к Марксу как к мыслителю в контексте европейской мысли не могло не показаться странным для тех сотрудников Выготского, которые привыкли разделять культуру на «буржуазную» и «социалистическую» и для кого марксизм

⁸ *Примечание редактора:* см. Предисловие к книге А.Н.Леонтьева «Развитие памяти». Б.м., 1932. – 4 с. Этот текст стал широко доступен сравнительно недавно благодаря изданию сборника ранних работ А.Н. Леонтьева, вышедших в издательстве «Смысл» под названием «Становление психологии деятельности» (2003). Следует при этом отметить, что соавторство Леонтьева и Выготского в написании этого четырехстраничного текста остается не подтвержденным документально.

представлял собой разрыв с европейской традицией, а не ее продолжением (Kozulin, 2001: 230).

Козулин (2001) и Ясницкий (2009) напоминают нам, что к концу десятилетия 1920-х – началу 1930-х советская интеллигенция и ученые испытывали сильное давление со стороны сталинской политики. В отношении психологии, согласно Козулину, было принято решение, что работы основоположников марксизма-ленинизма должны были стать основанием для научного исследования, а те исследователи, которые развивали западные психологические теории, подвергались осуждению на том основании, что в соответствии с духом того времени научные теории должны были выводиться из идей, унаследованных от Маркса, Энгельса и Ленин, общественной практики правительства большевиков и работ Сталина.

Работы Выготского не избежали критицизма. Его теория подвергалась осуждению за переключку с идеями французской социологической школой Дюркгейма и за диалог с гештальт-психологией: тем самым подразумевалось, что такие теоретические влияния отражали буржуазные наклонности автора теории (Kozulin, 2001: 228). Согласно Козулину, неприятие теории Выготского имело корни в сложности и элегантности его теории и ее основных положений. К тому же,

Большинство современников Выготского выработали систему интеллектуальной самоидентификации, основанную на групповой лояльности. Вместо индивидуальной идентификации исследователя, на первый план выходил вопрос, к какой группе этот человек принадлежал. В этом смысле, Выготский нарушал все устоявшиеся правила. Его до-революционная история была чиста, а принятие марксизма казалось искренним, в свете чего ожидалось, что он примкнет к правящей группировке. Напротив, создается впечатление, что мудрость преследуемого поэта Мадельштама Выготский ставил выше любых марксистских писаний своих современников. Чтобы разрешить этот «когнитивный диссонанс» современники Выготского должны были провозгласить его псевдо-марксистом или последовать за большинством и отбросить его опасные отклонения от основного курса (Kozulin, 2001: 230).

Согласно Ясницкому, Выготский и его сотрудники подверглись критике, во многих случаях не обоснованной с научной точки зрения, и которая была зачастую мотивирована политическими соображениями. Так или иначе, после публикации постановления Центрального Комитета Партии «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» от 4 июля 1936 г. началась публичная кампания, направленная против теории Выготского. Его опубликованные и неопубликованные работы были раскритикованы. В результате этих событий Выготский стал *persona non grata* в академических кругах, и эта ситуация продолжалась вплоть до середины 1950х годов⁹.

⁹ *Примечание редактора:* Согласно недавно проведенному исследованию Д. Фрейзер (Jenn Fraser), такое описание положения дел с наследием Выготского не соответствует реальности. Это исследование впервые подвергает критической оценке и радикальной ревизии традиционный миф о «запрете на Выготского», выработанный в рамках устаревшей историографической концепции «репрессированной науки», и, основываясь на детальном анализе имеющихся данных и документальных свидетельств, убедительно демонстрирует, что запрета на работы Выготского как такового никогда не существовало. Эта работа под предварительным названием «Deconstructing Vygotsky's Victimization Narrative: A Re-Examination of the

Принимая во внимание идеологические преследования, участники группы Выготского стали испытывать проблемы:

Существуют непрямые свидетельства того, что Леонтьев и Лурия были вынуждены оставить занимаемые ими должности в период 1936-1937 г. Мы можем также предположить, что Лурия должен был на время скрыться из Москвы и нашел себе временное пристанище на Кавказе. Так, из опубликованной переписки Лурии с Максом Вертхаймером мы знаем, что, например, его письмо Вертхаймеру, написанное в сентябре 1936 г., было отправлено с обратным адресом в Тиберде, на Кавказе (King & Wertheimer, 2005). Сходным образом, при невыясненных обстоятельствах, в Тбилиси, столице Советской Грузии, в 1937 году Лурия защитил свою докторскую диссертацию (Yasnitsky, 2009: 73)

Согласно Ясницкому, отъезд из столицы или увольнение с места работы были не единственными стратегиями, которые Лурия и Леонтьев использовали в целях профессионального и физического выживания. Именно в этом контексте и в этих обстоятельствах—т.е. как стратегию выживания—Ясницкий обсуждает работу Леонтьева «Учение о среде в педологических работах Л.С.Выготского (критическое исследование)»¹⁰, в которой тот проводит анализ работ Выготского и провозглашает теоретический разрыв с ним. Ясницкий указывает (2009: 74), что этот текст

[...] наиболее вероятно послужил основой устной презентации доклада, предположительно сделанного когда-то в беспокойные годы 1936-1937. Такой доклад мог состояться, к примеру, в 1937 году, когда Леонтьев после продолжительного перерыва был опять зачислен на работу в Институт психологии в Москве. Этот документ был сохранен в архивах этого института и оставался неопубликованным вплоть до конца 1990-х, когда он был случайно обнаружен известным советским исследователем Ириной Равич-Щербо. Леонтьевская критика Выготского, прозвучавшая в этой работе, могла служить средством дистанцирования автора доклада от бывшего учителя, оказавшегося в эту пору «вне закона».

Отправной точкой для критики, прозвучавшей в докладе Леонтьева, были работы Выготского в области педологии, дисциплины и общественной практики, запрещенной постановлением ЦК Партии в 1936 г. Из числа этих работ Леонтьев ссылается в частности на один текст Выготского, опубликованный в 1935 г. и озаглавленный в английском переводе публикации ван дер Веера и Валсинера (1994) «Проблема среды». Критика Леонтьева была направлена на понятие среды у Выготского и применение этого понятия для объяснения процессов детского развития:

Итак, среда выступает как носитель тех форм, которые определяют развитие. Идеальны ли эти формы лишь в том смысле, что они являются формами *конечными*, или также и в том смысле, что они — суть формы общественного *сознания*? Очевидно, также и в этом последнем смысле, ибо

Stalinist “Suppression” of Vygotskian Theory», в настоящее время готовится к публикации в одном из ведущих западных академических изданий по истории психологии и смежных наук. Автор любезно согласился опубликовать краткую версию своего исследования также и в одном из предстоящих спецвыпусков нашего журнала.

¹⁰ Леонтьев А.Н. Учение о среде в педологических работах Л.С. Выготского (критическое исследование) // Вопросы психологии. 1998. №1. С.108-127; см. http://www.voppsy.ru/journals_all/issues/1998/981/981108.htm

слово в качестве конечной формы воздействует не как звучание, но как знак, носитель значения, т.е. именно как вещь “идеальная”, как продукт духовной культуры; равным образом, ребенок вступает и во взаимодействие не с количествами как таковыми, но, по словам самого автора, “с развитым арифметическим мышлением”. Значит, то взаимодействие, которое здесь имеет место, есть взаимодействие именно с формами общественного сознания; значит, и ребенок входит в это взаимодействие именно в качестве субъекта сознания. Таким образом, теория среды, выдвигаемая Л.С.Выготским, замыкаясь в круг сознания, утрачивает свои первоначальные материалистические позиции и превращается в теорию идеалистическую (Леонтьев, 1937/1998).

Далее Леонтьев продолжает:

Концепция среды есть самое слабое из того, что было теоретически разработано Л.С.Выготским. В этой концепции, как в фокусе, собрались в единую ложную конструкцию все те теоретические ошибки, непоследовательности мысли и отдельные идеалистические взгляды, которые мы находим в его основных психологических работах. Они довлеют в ней, и поэтому именно в этой концепции Л.С.Выготского менее всего удастся преодолеть традиционные для современной буржуазной французской психологии взгляды неопозитивизма (*там же*).

Понимая эту критику как стратегию выживания, которая реализуется в виде дистанцирования от Выготского, мы смягчаем оценку этой ситуации, которая может быть охарактеризована как разрыв. Важно отметить, что такой же критический тон принимает и П.И. Зинченко — участник харьковской группы Леонтьева — в своей работе о произвольной памяти, опубликованной в 1939 г., в которой обнаруживаются и некоторые критические положения Леонтьева, например:

Неправильно решен основной вопрос о понимании природы психического. Специфическим и самым существенным для характеристики человеческой психики было признано *овладение* психикой натуральной, естественной, биологической через использование вспомогательных психологических средств. В этом положении заключена основная ошибка учения Выготского. Марксистское понимание исторической, социально обусловленности развития человеческой психики было извращено и понято идеалистически. Общественно-историческая обусловленность психики человека была сведена к воздействию на субъекта человеческой культуры. Развитие психики, таким образом, рассматривалось как не как определяемое развитием реальных отношений субъекта к действительности, а как ограниченное общением сознания субъекта с культурной, идеальной действительностью (Зинченко, 1939, с. 153)¹¹.

Эта ситуация широко распространенного несогласия с идеями Выготского, по оценке Козулина (2001: 68), привела в конечном счете к программе исследования психологических функций: акцент сместился с психологических орудий на так называемый «деятельностный» подход, открывая тем самым пути к развитию теории

¹¹ Зинченко, П.И. Проблема произвольного запоминания // Научные записки Харьковского педагогического института иностранных языков. 1939. Т. 1. С. 145—187.

деятельности, которая стала консолидироваться в работах харьковской группы, и в самом деле знаменующих собой расхождение с теорией Выготского. Именно этот вопрос мы и рассмотрим в следующей секции.

Теоретический разрыв между Выготским и Леонтьевым

Прежде чем мы начнем обсуждение этого вопроса, необходимо дать характеристику процесса создания культурно-исторической теории. Завершнева (2008, с. 141), основываясь на ее исследованиях неопубликованных документов Выготского, утверждает, что:

Фактически мы имеем доказательство того, что уже в 1926 г. Л.С. Выготский сформулировал основы культурно-исторического подхода, первые тезисы которого были вынесены на обсуждение только в декабре 1927 — январе 1928 гг. в докладе «Развитие трудного ребенка и его изучение» (I Всерос. педологический съезд). Предпосылки подхода, конечно, содержатся во всех ранних работах Л. С. Выготского, однако только в 1926 г. они сведены воедино и таким образом создается твердое ядро концепции, т. е. ряд постулатов, на которых держится вся научно-исследовательская программа и которые впоследствии уточняются и получают новые формулировки. В 1930 г. к ним добавляется принцип системности, а в 1932 г. — смыслового строения сознания. Мы предлагаем именно этот критерий начала культурно-исторической концепции в собственном смысле слова: синтез двух идей, которые до 1926 г. разрабатывались без четко обозначенной связи между ними (принцип знакового опосредствования, претерпевающий в дальнейшем значительные изменения и переходящий на фоновый уровень концепции, и идея культурного развития психики). Ранее предполагалось, что критической фазой, переходным годом был 1927 г.; переписка Л. С. Выготского с коллегами давала основание для вывода о том, что экспериментальные исследования по новой методике двойной стимуляции уже ведутся летом 1927 г., но не попадают в печать. Теперь мы знаем, что теоретические основы этих исследований были сформулированы годом раньше.

Исходя из этих теоретических установок, мы можем идентифицировать теоретический и методологический разрыв между Выготским и Леонтьевым. Корни конфликта, согласно Ясницкому (2009: 64-65),

[...] предположительно восходят к эпизоду, не получившему должного внимания историков науки и все еще требующего детального расследования. В 1928 г. в журнале «Вопросы дефектологии» вышла статья Леонтьева о запоминании у детей с патологиями развития [...]. Два года спустя [ближайший сотрудник Выготского] [Л.В.] Занков опубликовал статью с результатами своего исследования на ту же тему, статья вышла в сборнике дефектологических работ под редакцией Занкова, Д.И. Азбукина и Выготского. В своем тексте Занков представил — наряду с результатами своего исследования — сокрушительную критику работы Леонтьева 1928 года, подвергшейся разгрому за игнорирование порядка выполнения процедур научно строгого экспериментального исследования, небрежность в обращении со статистикой, неопределенность в представлении

результатов исследования, и, наконец, полностью искаженное представление о природе процессов запоминания у умственно отсталых детей в работе Леонтьева. Леонтьев никогда не ответил на эту критику. Более того, ни единой ссылки не найти на эту публикацию Занкова и в работах студентов Леонтьева, в частности, в весьма педантично выполненной монографии П.И. Зинченко по психологии непроизвольного запоминания: в своей книге 1961 года Зинченко приводит обзор практически всей литературы по этой теме, включая несколько других публикаций Занкова 1930-х – 1940-х г. по психологии памяти [и, которые не содержат критики Леонтьева]. В итоге, вне зависимости от того, является ли эпизод с научной критикой Занкова, которой подверглось раннее исследование Леонтьева, причиной или лишь индикатором продолжавшегося конфликта, у нас есть все основания считать, что противостояние между «харьковской» (Леонтьев и др.) и «дефектологической» (Занков, Соловьев, и др.) группами сотрудников Выготского базировалось на личном конфликте и враждебности, которую испытывали друг к другу основные действующие лица этой истории, а не на строго научных, теоретических основаниях.

В то же время Завершнева (2007) предлагает несколько отличную перспективу на корни разрыва между Выготским и Леонтьевым. В ее исследованиях документов из архива семьи Выготского, автором была обнаружена записная книжка, которая может прояснить интересующий нас вопрос. Эта записная книжка была заполнена в 1932 г. и состояла из трех частей:

плана ненаписанной книги “К вопросу об исследовании сознания”, заметок по психофизической проблеме и тезисов по докладам И.М. Соловьева и А.Н. Леонтьева, сделанным, вероятно, на внутренней конференции для ближайших сотрудников (такие конференции Выготский проводил довольно часто, на них обсуждались не только результаты проделанной работы, но и планы на будущее (Завершнева, 2007)).

Несмотря на важность всех этих тем, сфокусируемся на обсуждении заметок, связанных с исследованиями Соловьева и Леонтьева, именно тех записей, которые обозначают разрыв между Выготским и Леонтьевым. Выготский в это время стремился к консолидации системного видения психики в свете принципа единства процессов развития (см. текст «О психологических системах» от 1930 г.). В своих заметках Выготский демонстрирует острую критику наработок Леонтьева за то, что его анализ представляет собой снижение уровня теоретического обобщения и не принимает в расчет высшие психологические процессы. Согласно Завершневой

Выготский критикует Леонтьева за потерю центра исследования и стихийность. Шаг в сторону, который совершает Леонтьев, для него не только отход от общей цели — теории сознания, но и шаг назад, к пофункциональному анализу, который доминировал в школе Выготского в 1928—1931 годах. Каждая составляющая сознания тогда исследовалась отдельно, вне принципа системности, А.Н. Леонтьев занимался памятью, Л.С. Сахаров, Ю.В. Котелова, Е.И. Пашковская — мышлением и т.д. Возможно, Выготский видит в исследовании Леонтьева всего лишь попытку изучить динамику действия как еще одной психической функции. Однако

настало время свести все результаты воедино, синтезировать и переосмыслить их (Zavershneva, 2007)

Записи Выготского, представленные Завершневой, указывают на разрыв между ним и Леонтьевым, а были написаны в 1934, когда расхождение уже состоялось:

“...существуют 2 единства динам[ической] деятельности: мышл[ение] и реальн[ая] деятельность. То и другое имеет свой динам[ический] аспект, т.е. есть динам[ическая] система *sui gen[eris]*, определенного типа и сорта. Вне деятельности не существует in abstracto 2-х видов динамики. Это главное и основное... Роль мышл[ения] в деятельности и заключается в внесении новых динамич[еских] возможностей в деятельность. Сказать, что расстроено мышление, значит сказать, что расстроены тонкие и сложные динамич[еские] процессы в деятельности” (запись “Sehr wichtig. Единство аффекта и интеллекта”, семейный архив) (Выготский, цит. по Завершнева, 2007).

Комментируя эту архивную запись, автор делает две дополнительные пометки:

В другой заметке “NB! А.Н.” Выготский пишет о Леонтьеве (пункт отмечен знаком “!!!!!!”), что он “смотрит назад, не делает шага решительного вперед к новой ступени работы — к семическому анализу. — Что значит значение действия?”

“Как оплодотворить тов. Леонтьева — светом проблемы сознания!” (цит. по Завершнева, 2007).

Мы понимаем, что эти записи свидетельствуют о разрыве между двумя авторами, с методологической точки зрения на предмет исследования каждого из них. Завершнева, однако, отмечает:

Аргументы *contra* Леонтьев не выходят за рамки научной дискуссии. Нигде — даже в заметках для себя — мы не находим личных выпадов против Леонтьева, хотя Выготский определенно уже начинает терять терпение. “Каждый сделал свой шаг самостоятельно, отправляясь от общих исходных позиций. Но куда он поставил ногу?” (Завершнева, 2007).

Далее Завершнева продолжает:

Трудно не заметить, что они говорят на разных языках. Выготский как будто не видит, что помимо научных аргументов за решением Леонтьева отмежеваться от исследования сознания стоят, по-видимому, идеологические причины. Занявшись более выдержанной в идеологическом отношении теорией деятельности, А.Н. Леонтьев уцелел в сложной обстановке “репрессированной науки” (термин М.Г. Ярошевского), а впоследствии стал не только родоначальником крупного направления, но также основателем факультета психологии МГУ. Отметим, однако, одно обстоятельство — если не считать разрозненных изданий избранных трудов Выготского в период оттепели (1950—1960-е годы), психология была лишена его работ до 1980-х годов, в то время как Леонтьев занимал руководящие посты в советской науке. (Завершнева, 2007).

Завершающие соображения

Мы бы хотели пояснить, что этот текст не предназначен для того, чтобы приуменьшить значение Леонтьева или Выготского для психологии. Его целью является обсуждение различных версий истории преемственности в работе этих двух авторов.

В этом смысле мы согласны с Божович и с другими источниками информации в том, что Леонтьев, равно как и другие авторы, порвали с холистической перспективой, обозначенной в работах Выготского, и отступили от его эпистемологических и методологических установок. К такому же выводу приходит и Кайлер (2010) в его анализе текста Леонтьева, вышедшем под названием «Материалы о сознании», указывая на различия в понятии сознания в тексте этого автора и в работах Выготского.

Мы понимаем, что теоретические положения Выготского неоднозначны, и все еще должны быть поняты и консолидированы во всей их полноте. Все эти положения совсем не обязательно совпадают с леонтьевской теорией деятельности, а особенно в той части, где речь идет о смысловых аспектах психологических явлений. Эти проблемы все еще актуальны в нашей повседневной жизни и в наших поступках—в академической области или в профессиональной сфере. И в той мере, в которой мы воспринимаем идеи Выготского запечатленными в истории, они все еще продолжают жить и указывать способ консолидации психологии на основах исторического и диалектического материализма.

Мы также расцениваем как весьма плодотворную работу, которую проводят Антон Ясницкий и Екатерина Завершнева, которые открыли нам новые перспективы на исследовательскую программу Выготского. Антон Ясницкий, рассматривая работу Выготского как коллективное творчество целой группы исследователей, как разветвленную социальную сеть, основанную на принципах интеллектуального обмена и сотрудничества (см. тж. Stetsenko & Arievidtch, 2004), подводит нас к продолжению исследований, которые раскрывают динамику развития советской психологии в начале 20 века. Эта перспектива дополняется исследованиями, которые проводит Екатерина Завершнева на основе неопубликованных материалов из архива Выготского, предоставляя нам доступ к информации, дающей нам более глубокое понимание теории Выготского и его современников.

Литература

1. Завершнева Е.Ю. «Путь к свободе» (К публикации материалов из семейного архива Л.С.Выготского) // Новое литературное обозрение, 2007, №5 (85). С.67-90.
2. Завершнева Е.Ю. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии, 2008, №1, С. 132-145.
3. Зинченко, П.И. Проблема произвольного запоминания // Научные записки Харьковского педагогического института иностранных языков. 1939. Т. 1. С. 145—187.
4. Леонтьев А.Н. Учение о среде в педологических работах Л.С.Выготского (критическое исследование) // Вопросы психологии. 1998. №1. С.108-127.
5. Golder, M. (2004). Leontiev e a psicologia histórico-cultural: um homem em seu tempo. São Paulo: Xamã.
6. Keiler, P. (2010). “Materials on consciousness” (1936) as A. N. Leontev’s text. Tätigkeitstheorie: E-Journal for Activity Theoretical Research in Germany, 2, 67-99.

7. Koshmanova, T. S. (2007). Vygotskian scholars: Visions and implementation of cultural-historical theory. *Journal of Russian and East European Psychology*, 45(2), 61–95.
8. Kozulin, A. (2001). La psicología de Vygotski. *Madrid: Alianza*.
9. Leontiev, A. A. & Leontiev, D. A. (2003). Mif o razryve: A.N. Leontiev i L.S. Vygotskii v 1932 godu [The myth of separation: A.N. Leontiev and L.S. Vygotsky in 1932]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 24(1), 14-22.
10. Leontiev, A. N. (1931). *Razvitie pamyati [Development of memory]*. Moscow: Uchpedgiz.
11. Leontiev, A. N. (2005). Study of the environment in the pedagogical works of L.S. Vygotsky: a critical study. *Journal of Russian and East European Psychology*, 43(4), 8–28.
12. Luria, A. R. (1979). *The making of mind*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
13. Prikhozhan, A. M. & Tolstykh, N. N. (2004). “Interesting Psychology”: L. S. Vygotsky and L. I. Bozhovich. *Journal of Russian and East European Psychology*, 42(4), 7–19.
14. Shuare, M. (1990). *La psicología soviética tal como yo la veo*. Moscow: Progreso.
15. Stetsenko, A., & Arievitch, I. (2004). Vygotskian collaborative project of social transformation: History, politics, and practice in knowledge construction. *International Journal of Critical Psychology*, 12 (4), 58-80.
16. Tchouboukova, T. V. (2001). Léxico russo na língua portuguesa: aspecto histórico-cultural. *Polifonia*, 4, 183-192.
17. Trotsky, L. (1923/1979). *As questões do modo de vida*. Lisboa: Edições Antídoto.
18. Tunes, E. & Prestes, Z. (2009). Vigotski e Leontiev: ressonâncias de um passado. *Cadernos de Pesquisa*, 39(136), 285-314.
19. van der Veer, R. (1985). In defense of Vygotsky. In: S. Bern, H. Rappard & W. van Hoorn (Eds.) *Proceedings of the 19ss Cheiron Europe Conference* (pp. 362-372). Leiden: Psychologisch Instituut.
20. van der Veer, R. (1991). The reception of Vygotsky's ideas in the nineteen thirties. In H. J. Stam; L. P. Mos & W. T. B. Kaplan (Eds). *Recent trends in theoretical psychology - Volume III* (pp. 419-423). New York: Springer-Verlag.
21. Veresov, N. (1999). *Undiscovered Vygotsky: etudes on the pre-history of cultural-historical psychology*. Frankfurt: Peter Lang.
22. Vigotski, L. S. (1927/2004). O significado histórico da crise da psicologia: uma investigação metodológica. In *Teoria e método em psicologia* (pp. 203-417). São Paulo: Martins Fontes.
23. Vygotsky, L. S. & Luria, A. R. (1925a). Vvedenie [Introduction]. In S. Freud (Ed.), *Po tu storonu principa udovol'stviya [Beyond the pleasure principle]* (pp. 3-16). Moscow: Sovremennye problem.
24. Vygotsky, L. S. & Luria, A. R. (1925b). Vvedenie [Introduction]. In R. Schultz (Ed.), *Praktika eksperimental'noj psikhologii, pedagogiki i psikhotehniki* (pp. 3-5). Moscow: Voprosy truda.
25. Vygotsky, L. S. (1930/1994). *The socialist alteration of man*. In: Van der Veer, R., & Valsiner, J. (Eds). *The Vygotsky reader* (pp. 175-184). Cambridge, England: Blackwell.
26. Vygotsky, L. S., & Luria, A. R. (1929/1930). The function and fate of egocentric speech. In J. M. Cattell (Ed.), *Ninth International Congress of Psychology held at Yale University, New Haven, Connecticut September 1st to 7th, 1929* (pp. 464-465). Princeton, NJ: Psychological Review Company.

27. Vygotsky, L. S., & Luria, A. R. (1930). *Etyudy po istorii povedeniya. Obez'yana. Primitiv. Rebjonok.* [Studies in the history of human behavior. Ape, primitive, child]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
28. Vygotsky, L. S., & Luria, A. R. (1930/1993). *Studies in the history of human behavior: Ape, primitive, and child.* Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
29. Vygotsky, L. S., & Luria, A. R. (1930/1994). *Tool and symbol in child development.* In R. van der Veer & J. Valsiner (Eds.), *The Vygotsky reader* (pp. 99-174). Oxford, UK: Blackwell.
30. Vygotsky, L. S., Artemov, V. A., Bernstein, N. A., Dobrynin, N. F., & Luria, A. R. (1927). *Praktikum po eksperimental'noj psikhologii* [Experimental psychology practicum]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
31. Vygotsky, L. S., Artemov, V. A., Dobrynin, N. F., & Luria, A. R. (Eds.). (1927). *Psikhologicheskaya khrestomatiya* [The reader on psychology]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
32. Wertsch, J. V. (1988). *Vygotsky y la formación social de la mente.* Barcelona: Paidós.
33. Yasnitsky, A. (2009). *Vygotsky circle during the decade of 1931-1941: toward an integrative science of mind, brain, and education.* These. Department of Curriculum, Teaching and Learning, Ontario Institute for Studies in Education. University of Toronto. p. 156.
34. Yasnitsky, A. (2011). *Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas.* *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 45(4), 422-457.
35. Zavershneva, E. I. (2010a). *The Vygotsky family archive (1912–1934): new findings.* *Journal of Russian and East European Psychology*, 48(1), 14–33.
36. Zavershneva, E. I. (2010b). *The Way to Freedom (On the Publication of Documents from the Family Archive of Lev Vygotsky).* *Journal of Russian and East European Psychology*, 48(1), 61–90.
37. Zinchenko, P. (1983). *The problem of involuntary memory.* *Soviet Psychology*, 22(2), 55-111.

Поступила в редакцию: 09.08.2012 г.

Сведения об авторе

Жоао Батиста Мартинс (João Batista Martins) –

Доцент отделения социальной психологии и последипломного образования в Государственном университете Лондрины (Бразилия). Автор книги «Выготский и образование» (изд. Autentica).

Email: jbmartin@sercomtel.com.br